

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА „КОМЕДИ ФРАНСЕЗ“

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ТРАГЕДИИ

Более трехсот лет назад великий трагический поэт Франции воссоздал в строгих и стройных стихах героическую историю, прошедшую в Испании XI века. Пьеса Пьера Корнеля «Сид» была поставлена на сцене с невиданным до того успехом.

«Veau comme le Sid» — выражение, которое быстро вошло в обиход: трагедия Корнеля стала на долгий срок мерилом всего истинно прекрасного.

Когда со сцены Малого театра извернулся поток стремительных и звучных стихов Корнеля, когда оживились словно сонные со старинной гравюры рыцари и дамы — словом, в тот день, когда талантливые французские артисты показали нам «Сид», мы увидели действительно прекрасное искусство. Трагедия Корнеля на сцене старейшего французского театра — это спектакль высокой гражданственности, спектакль больших страстей, приподнятых и мало обнаруживаемых чувств. Сценические средства, которые использовал театр в работе над пьесой, — именно те, к которым следовало обратиться в трагедии, и использовал он их с завидным мастерством.

Повторяя с горячностью выражение, ставшее крылатым три столетия назад, мы невольно пытаемся понять природу замечательного искусства наших французских коллег, понять, в чем сценические традиции постановки трагедии на сцене «Комеди Франсез».

Одним из наиболее «традиционных» в спектакле должен быть признан образ дон Диего, отца дон Родриго, созданный Жаном Ионелем. Артист использует как раз те средства сценической выразительности, которые характеризуют сложившуюся столетия назад театральную школу. Жест его то плавлен и пирок, то резок и стремителен, голос звучит приподнято, стих он произносит напевно, соблюдая его ритмическую структуру. Однако отнюдь не эта чисто внешняя сторона, не эти внешние средства сценической выразительности определяют традиционность исполнения, традиционность в лучшем понимании этого слова.

Искусство высокой героики — это не только и не столько «как», какими сценическими средствами пользуется артист. Главное — это что он хочет сказать, какой характер воплощает. Сценические средства у талантливого и опытного артиста всегда остаются именно лишь средствами сценической выразительности. И мне, представителю иной школы актерского мастерства, безразлично, к каким средствам прибегает талантливый Ионель, ибо он несет мысль, воплощает характер, что и является главной, лучшей традицией исполнителей «Комеди Франсез». В той же манере исполнены и белые по драматургическому материалу роли дон Фернандо (артист Морис Эсканд), воспитательница Химены и лифанты (артистки Генриэтт Барро и Франсуаз Анжел).

Театр Корнеля — это театр не только патетических страстей, высокой воодушевленности, это театр ярких, великолепных характеров. Правда характеров, раскрываемых в едином порыве, в одном устремлении, всегда значительных, крупных, — вот что требуется от исполнителей его пьес.

Так пусть же в трагедии звучит голос обаятельной патетки, пусть юный герой, обратившись лицом к рампе, роняет в зрительный зал звучные строфы лирических стансов Сиды, пусть трепещет юная Химена, радостная мучительными сомнениями, — но только в том случае, если за всем этим бьет подлинная страсть, теснятся мысли. Если артисты берегут правду характера!

Увы, в спектакле «Сид» у некоторых даже несомненно талантливых артистов за музыкой корнелевского стиха, за припод-

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

нятой пластикой жеста порой эта достоверность характера исчезала.

И поэтому рядом с живой, действительной, движущей искусство вперед традицией, которая связывает сегодняшний театр «Комеди Франсез» с тем народным, неумираломным, что есть в классическом искусстве прошлого, проявились также традиции, которые представляются нам сейчас уже отжившими, устаревшими.

Именно влияние этих устаревших традиций и следует приписать превращению отдельных сцен спектакля из волнующего повествования о судьбах и характерах людей высокой морали, чистого чувства долга, истинного, хотя и несколько преувеличенного благородства лишь в красочное, увлекательное зрелище.

И это при том условии, что все без исключения исполнители обладают несомненным дарованием, обладают блестящим мастерством, кипучим темпераментом.

Так в чем же дело? С моей точки зрения, в том, что театр в одних случаях плодотворно развивает традиции высокой трагедии, даже переосмысливает их, в других — слабо следует привычке, сложившейся веками.

Артист Андро Фалькон, создавший обаятельный и чистый образ юного Сиды, привлеченный сердца зрителя страстностью и горячностью своего темперамента, красочной пластикой, тембром голоса, блистательно проведший первый акт, удивительно верно пародировавший сперва сомнения, боль, страдание, затем преодоление этих страданий, мужество, обретенное в борьбе с самим собой, порой все же забывает о том, что Родриго — не только пылкий любовник, но и смелый борец за независимость родины.

Трагедия Корнеля развивается бурно, стремительно, во все нарастающем ритме. Даже самые длинные ее монологи отнюдь не статичны — в них звучит голос страсти, они содержат раздумья, размышления героев. Найти действительную пружину

...Суровая скромность традиционной молверовской комнаты в «Гартюфе», галантная изысканность интерьера в «Медалине» во дворянстве, наконец, величавые в своей лаконичности декорации «Сиды» — обожженная солнцем пустынная улица, сумрачные покои доньи Урраки с оранжево-черными фресками, торжественные знамена, поднятые в честь победителя...

Как перейдут артисты «Комеди Франсез» во этой традиционной обстановке, из комедий Мольера и из корнелевской трагедии в захламленный двор дома господина Лепик, в провинциальный городишко, в тесный мирок чувств узких, желаний раздавленных и невысказанных? Словом, как выступят они в комедии Жюль Ренара «Рыжик»?

К этому естественному интересу, когда мы шли на спектакль, примешивалась еще и тревога. Повесть Ренара трудно поддается перенесению ее в драматическую форму; скорее, перед нами психологический этюд, экспозиция характеров и взаимоотношений, так и не раскрывающихся в непосредственном действии.

В «Рыжике» на помощь мастерам сцены не могут прийти ни блистательное произнесение стиха, ни изощренно разработанная пластика. Мало подвижная картина

каждого монолога, каждой сцены, четко решить их композиционно, определить нарастающие, кульминацию, — такова задача артистов, задача, несомненно, чрезвычайно сложная. Может быть, именно поэтому в некоторых случаях она и ускользает от внимания наших друзей по искусству. И вот талантливая актриса Терез Мариа, чья Химена — суровая, мужественная, сдержанная и в то же время беспрельдно любящая, — привлекает внимание с первого момента появления на сцене, порой за звучными строфами стиха теряет главную тему сцены, эпизода, и тогда образ делается статичным, безжизненным. Есть элемент некоторой статичности и в образе инфанты кастильской, но следует сказать, что роль эта чрезвычайно трудна для исполнителя, и Жаневьев Мартина сделала очень много интересного, сумев передать стойкость и женственность доньи Урраки.

Возвращаясь к рассмотрению о плодотворности творческого освоения традиций, хочется упомянуть о художественном оформлении спектакля. Декорации и костюмы Жоржа Вакевича традиционны прежде всего потому, что для них характерна жанровая определенность, потому что они помогают созданию определенной атмосферы спектакля. Между этими двумя неподвижными порталами из грубого камня — на молчаливой улице средневекового города, куда выходят глухие стены домов, с окнами, оцинкованными решетками, у легкой резной чугунной изгороди одного из переходов дворца короля кастильского, в зале, стены которого покрыты величественной росписью, — действительно могут происходить события лишь трагического характера.

„РЫЖИК“

М. АСТАНГОВ,
народный артист РСФСР

томительного провинциального быта требует совсем иных средств для своего сценического воспроизведения.

Луи Сенье, накануне неистово изобретательный и недражный на детали, комически, до буффонады, — таким мы увидели его в «Медалине» во дворянстве, — обнаружил в «Рыжике» новые грани своего дарования. Внешний рисунок роли г-на Лепик предельно скуп, и лишь по каким-то еле уловимым штрихам удается понять, что происходит в душе этого паразитичного, надуленного провинциала, занятого, казалось, только своей трубкой. Столь же лаконичен и выразителен рисунок роли, предложенной актрисой Берг Бови, Г-жа Лепик, с ее тираничностью и благожеланием, с ее фальшивыми истериками, к которым все привыкли, и с неподдельным одиночеством, которого никто не замечает, — этот образ, воссозданный перед нами буквально за несколько секунд пребывания на сцене, свидетельствует о незаурядном мастерстве маститой исполнительницы.

Мишелия Буда исполняет роль

На снимке: сцена из трагедии П. Корнеля «Сид». Дон Диего — Жан Ионель, Дон Родриго — Андро Фалькон (слева). Фото А. Грошина.

С этими декорациями органично сочетается сдержанное и одновременно приподнятое исполнение лучших сцен спектакля.

И резким диссонансом к общему решению спектакля, к его декорационному оформлению звучат куски ложно-декламационные, формально-приподнятые.

Героическое искусство — искусство гражданского пафоса, большого размаха мысли, огромного накала чувств — близко и дорого советским зрителям. И в нашем повседневном опыте, переносим его на сцену, мы прежде всего ищем то знаменательное, то высокое и светлое, что в нем заложено. Тем более в событиях, где раскрывается сила души народной. А именно таков «Сид» Корнеля, таков спектакль «Комеди Франсез».

служанки Анеты — роль, по сути дела, «подсобную». Но актриса использует все возможности, чтобы из «персонажа» сделать «характер», и перед нами предстает простая, смешливая, очень молоденькая деревенская девушка, чуткая, добросердечная и готовая всем помочь.

Жан-Поль Руссийон играет главную роль, мы бы сказали, изысканно просто.

Искренность, тонкость проникновения во внутренний мир подростка соединяются с исключительной строгостью и обдуманностью выразительных средств, с точностью отбора деталей. Образ созданный Руссийоном, трогает глубоко, рождает щемящее сочувствие. В нескладном, некрасивом подростке, который сам о себе говорит, что он «толстокож», угадывается особая душевная деликатность, легкая ранимость, обостренная отзывчивость на боль, которую испытывает он сам и которую — он видит — то и дело причиняют друг другу окружающие.

Уродство буржуазной семьи, драма человека, тесноты мещанской обывачности, раскрыта театром остро и честно. Этим подчеркнута современность звучания спектакля.

Постановка «Рыжика» лишний раз подтвердила многообразие творческих возможностей старейшего национального театра Франции.